

УДК 34:002.6  
DOI: 10.26140/bgз3-2019-0804-0081

**ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ  
В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА  
КАК ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ**

© 2019  
AuthorID: 106349  
SPIN: 5306-7069

**Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный деятель науки РФ, директор  
*Институт государства и права РАН, Саратовский филиал*  
(410028, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, д. 135, i\_gp@ssla.ru)

**Аннотация.** В рамках представленного исследования, осуществляется правовое моделирование и прогнозирование развития систем искусственного интеллекта в современном обществе, процессы его развития и внедрения в общественные отношения, а также действующие и возможные влияния искусственного интеллекта на трансформации социально-правовой жизни человека, общества и государства. В содержание работы анализируется проблема формирования и осуществления правовой политики современной России в сфере искусственного интеллекта, которая бы обеспечила создание адекватных и действенных доктринально-правовых рамок стимулирования разработки, внедрения и эксплуатации различных систем и технологий, основанных на искусственном интеллекте в социальную жизнедеятельность общества. Автор обосновывает необходимость разработки проекта концепции российской правовой политики в качестве доктринального документа. Доказывается, что проект Концепции российской правовой политики в области искусственного интеллекта сможет выступить доктринальным документом, способным оказать «научное содействие» правотворческим, правоприменительным и образовательным структурам. В завершение работы автором предлагается Проект «Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта», обосновывается его структура, разделы и основное содержание. Кроме того аргументируется, что предлагаемая Концепция должна стать междисциплинарным документом, разработчиками которой могут выступать широкий круг различных специалистов: ученые-юристы и иные гуманитарии, представители технических наук, депутаты, чиновники, IT-специалисты и др.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правовая политика, доктринальный документ, концепция правовой политики, цифровая экономика.

**THE DRAFT CONCEPT OF THE RUSSIAN LEGAL POLICY IN THE FIELD  
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DOCTRINAL DOCUMENT**

© 2019

**Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Honored Worker  
of Science of the Russian Federation, Director  
*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Saratov branch*  
(410028, Russia, Saratov, Chernyshevsky St., 135, i\_gp@ssla.ru)

**Abstract.** Within the framework of the presented research, legal modeling and forecasting of the development of artificial intelligence systems in modern society, the processes of its development and implementation in public relations, as well as existing and possible effects of artificial intelligence on the transformation of social and legal life of man, society and the state are carried out. The article analyzes the problem of formation and implementation of the legal policy of modern Russia in the field of artificial intelligence, which would ensure the creation of adequate and effective doctrinal and legal framework to stimulate the development, implementation and operation of various systems and technologies based on artificial intelligence in the social life of society. The author substantiates the need to develop a draft concept of Russian legal policy as a doctrinal document. It is proved that the draft Concept of the Russian legal policy in the field of artificial intelligence will be able to act as a doctrinal document that can provide “scientific assistance” to law-making, law enforcement and educational structures. At the end of the work the author proposes the Project “Concept of the Russian legal policy in the field of artificial intelligence”, substantiates its structure, sections and main content. In addition, it is argued that the proposed Concept should become an interdisciplinary document, the developers of which can be a wide range of different specialists: legal scholars and other humanitarians, representatives of technical Sciences, deputies, officials, IT specialists, etc.

**Keywords:** artificial intelligence, legal policy, doctrinal document, legal policy concept, digital economy.

**ВВЕДЕНИЕ**

В XXI веке активно создается теория правовой политики, отражающая собой многогранную реальность: процессы оптимизации права, пути юридического развития общества, способы полноценного выстраивания его правовой системы и т.д.

Под *правовой политикой* предлагаю понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой жизни общества и личности [1].

Иными словами, если право, как известно, призвано регулировать общественные отношения, то правовая политика призвана усовершенствовать само право, правовую систему в целом.

Правовая политика нацелена на выстраивание стра-

тегии правового регулирования в различных сферах жизнедеятельности общества. Она это делает с помощью разных средств и форм, одной из которых выступает доктринальный документ.

Однако, прежде чем говорить о проекте Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта как доктринальном документе, важно, хотя бы кратко, выяснить вопрос о том, что собой представляет доктринальный документ вообще.

Доктринальный документ — особый новый жанр научного произведения. С одной стороны, это не монография, не статья, не тезисы (хотя доктринальный документ, несомненно, базируется на них). С другой стороны, это и не концепция конкретного законопроекта (хотя структурно и содержательно что-то и берет от него). Это нечто иное.

Особенности его состоят в том, что, во-первых, данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концен-

трированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику (правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную).

Это новый научный продукт, это специфическая кодификация накопленных научных знаний в наиболее важных сферах нашей жизнедеятельности.

Значение доктринального документа «вытекает» из того очевидного факта, что доктрина должна идти впереди правотворческих и правоприменительных структур. Роль доктрины, подчеркивал Рене Давид, «проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель» [2]. И в этом смысле доктринальный документ — есть некий своеобразный неофициальный правотворческий почин.

Доктринальные документы понимаются не как официальные акты, исходящие от компетентных субъектов, обладающие обязательностью и влекущие политико-правовые последствия. Доктринальные документы — это комплексные научные разработки (предложения ученых), адресованные как научной общественности, так и соответствующим органам публичной власти, субъектам юридической деятельности.

Зачастую ученые сетуют на власть, практиков, что они далеко не всегда интересуются научными достижениями. В этом есть немало истины.

Однако и ученые подчас не всегда дают научный продукт в целостном и системном виде — в форме, например, концепций, разработанных проектов нормативных правовых актов и т.д. Научные наработки будут выглядеть гораздо убедительнее и заметнее влиять на власть, если их давать в более концентрированном и аргументированном виде.

Вместе с тем нельзя путать доктринальные документы (как новый научный продукт, подготовленный учеными) и доктринальные правовые акты (как политико-правовые акты, имеющие официальный характер, исходящие от компетентных субъектов и обладающие обязательностью).

Если примерами первых можно считать Концепции развития российского законодательства (в нескольких переизданиях) [3], проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года [4], проект концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации [5], проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации [6], проект Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации [7], проект Концепции институционального развития исполнительной власти в Российской Федерации [8], проект Концепции муниципально-правовой политики в Российской Федерации [9], проект Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации [10] и т.д., то примерами вторых — Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ; Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ; Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ и другие.

То есть доктринальные документы и доктринальные правовые акты — принципиально разные с точки зрения юридического значения и юридических последствий явления. Их объединяет общий признак — доктринальный характер [11].

Доктринальный документ (как научный продукт) может трансформироваться в доктринальный правовой акт (в официальный акт), если, например, органы публичной власти его утвердят как особую разновидность политико-правового акта. В частности, в 2002 году в Республике Казахстан была принята Концепция правовой политики до 2010 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан Н. Назарбаевым, а в 2009 году — обновленный вариант с 2010 до 2020 года. То, что Концепция правовой политики (первоначально

возникшая как научный продукт) была утверждена главой государства — знаковое событие. Это означает своеобразный «перевод» накопленных концептуальных знаний о правовой политике из доктринального документа в документ официальный, содержащий определенные ориентиры для юридической практики, для правового развития общества.

Среди подобных доктринальных документов все больше становится востребованным проект Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта.

Почему именно названный проект выступает столь злободневным?

Искусственный интеллект все более активно внедряется во все области жизнедеятельности современного общества (сервисные услуги, транспорт, медицину, промышленность, строительство, сельское хозяйство, банковское дело, образование, науку, туризм и т.д.), что приводит к различным новым ситуациям и проблемам, далеко не всегда охватываемым правовым регулированием. Между тем такое положение дел весьма существенным образом сказывается на состоянии правопорядка и правовой системы в целом. Правовая жизнь общества в этой связи тоже приобретает несколько неустойчивый и во многом неопределенный характер, влияющий тем самым на степень защищенности субъектов права, на их возможности реагировать в новых технологических условиях протекания юридического бытия и т.д.

Правовая политика как раз и призвана предложить научно обоснованные, системные и последовательные меры по преодолению тех дефектов, которые присутствуют сейчас в процессе внедрения и использования новейших технологий (прежде всего, искусственного интеллекта) в нашей жизнедеятельности.

#### МЕТОДОЛОГИЯ

*Цель статьи:* разработать проект, обосновать структуру и содержание концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта в качестве доктринального документа. Любое сложное явление социальной и правовой жизни общества требует комплексного междисциплинарного подхода. Естественно, что теоретико-методологическая основа настоящего исследования опирается как на классические разработки в области общей теории права, так и на современные достижения в сфере как гуманитарных, так и технических наук. В качестве ведущих методов исследования в работе использовались: мировоззренческие (общефилософские) методы и подходы, такие как, диалектико-материалистический, системный, методы герменевтики и социального конструирования; общенаучные, задающие логические принципы осмысления и аргументации — анализ, синтез, индукция, дедукция, метод аналогии и др.; а также частнонаучные — сравнительно-правовой метод, метод правового прогнозирования и юридического моделирования, формально-юридический (догматический) и нормативно-правовой методы.

#### РЕЗУЛЬТАТЫ

Для того, чтобы данная политика имела четкие ориентиры, важно разработать специальный доктринальный документ в этой области — проект Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта.

Он, во-первых, представляет собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, цели, задачи, средства, направления и пути повышения эффективности правового регулирования в области искусственного интеллекта в долгосрочной перспективе. Во-вторых, должен включать не только стратегию, но и тактику конкретных действий по достижению целей такой политики.

При формулировании его содержания важно учесть запланированные мероприятия в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 года [12], в «Стратегии развития информационного

общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 года, в проекте Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, который будет уже отдельным самостоятельным федеральным проектом [13]. Следует иметь в виду и региональный опыт. В частности, речь идет об Удмуртии, в которой разработали Концепцию цифровой экономики до 2024 года [14].

Разумеется, предлагаемый проект Концепции, с одной стороны, должен базироваться на родовом проекте Концепции — проекте Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года [15], дополнять, детализировать и развивать ее общие идеи. С другой стороны, структура рассматриваемого доктринального документа должна быть несколько иной. В нее, например, могут войти следующие элементы:

— **Введение**, в котором необходимо дать характеристику современного состояния искусственного интеллекта в российском обществе. Нужно попытаться объективно оценить плюсы и минусы внедрения искусственного интеллекта в нашу действительность. К плюсам можно отнести то, что технологии искусственного интеллекта во многом «возьмут на себя» рутинные, вспомогательные, механические работы, с одной стороны, освобождая человека для творческой деятельности, а с другой, принося заметный экономический эффект. Большие перспективы в этом плане у беспилотного транспорта, роботов-промоутеров, машин, которые могут работать в сложных условиях Арктики.

Минусы тоже существуют и их немало: от появления новых форм монополизации рынка с помощью роботов [16] и потери миллиардов рублей из-за ошибок искусственного интеллекта [17] до случаев гибели пешехода [18], а также пациентов по вине искусственного интеллекта компьютера (не смогли учесть все параметры при проведении лучевой терапии), и даже аварий Boeing 737 MAX [19]. К тому же цифровые технологии могут стать источником правовых проблем в будущем (в частности, ошибки искусственного интеллекта могут вылиться в нарушения прав целых групп людей).

Вместе с тем, как верно отмечают эксперты, «надо включаться в гонку ведущих стран, которые в поте лица куют новый, уже шестой технологический уклад, где править будут искусственный интеллект, роботы, биотехнологии, генетика, квантовые технологии и т.д.» [20]. В этой связи Президент РФ В.В. Путин призвал активнее привлекать российские компании к внедрению достижений искусственного интеллекта в экономику страны. По его мнению, «если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта... тот станет властелином мира» [21].

Отсюда важно иметь в виду темпы внедрения искусственного интеллекта и роботизации в нашу действительность (так, по оценкам экспертов, рост использования искусственного интеллекта является очевидным трендом; решения, включающие искусственный интеллект, будут в ближайшее время применяться практически во всех отраслях человеческой деятельности [22]; только охват роботами сферы услуг вырастет с 10 до 40 процентов в ближайшие пять лет [23]).

С помощью использования, в том числе целого комплекса методов (сравнительного, статистического и других) проанализировать ее позитивные и негативные тенденции развития, систематизировать и отразить все дефекты, риски, угрозы и основные проблемы использования искусственного интеллекта в современном обществе.

Разделе 1 — «**Общие начала правовой политики в сфере искусственного интеллекта**», где изложить дефиниции понятий, используемых в названном проекте, своего рода минисловарь (в частности, правовая политика, правовая политика в сфере искусственного интеллекта, искусственный интеллект, робот, чат-бот, блокчейн и другие).

В этом же разделе следует обозначить уровни и субъ-

екты ее формирования и осуществления.

Раздел 2 — «**Содержание правовой политики в сфере искусственного интеллекта**», где определить цели, задачи и средства вышеназванной политики. В частности, *целями* подобной политики могут выступать: обеспечение при внедрении и использовании искусственного интеллекта прав и свобод человека, законности и правопорядка; борьба с различными правонарушениями.

Указанные цели судебной политики концентрируются в ее *задачах* (в частности, в следующих: создание в России передовой нормативно-правовой базы в сфере искусственного интеллекта; формирование единого правового поля для оборота данных;; инвентаризация юридических средств и механизмов, способствующих эффективному использованию технологий искусственного интеллекта; снижение административных барьеров, мешающих использованию систем искусственного интеллекта и т.д.).

Если говорить о *средствах* данной правовой политики, то в первую очередь нужно выстраивать новую систему действенных правовых стимулов и правовых ограничений в сфере искусственного интеллекта.

Меры правового стимулирования могут создавать и обеспечивать благоприятные правовые режимы, поощрять, льготно поддерживать полезные для общества инициативы, инновационные идеи, связанные с использованием искусственного интеллекта в правовой системе. Например, в гражданском праве уже созданы различные институты, направленные на поддержку и развитие новых технологий: право интеллектуальной собственности; договоры, направленные на создание, использование и охрану объектов интеллектуальной собственности; субъекты, осуществляющие технологические процессы и т.п. Естественно, на этом останавливаться нельзя и важно предлагать и иные стимулирующие меры: существенное увеличение финансирования разработок в сфере искусственного интеллекта (на Федеральный проект по искусственному интеллекту на ближайшие шесть лет выделено 90 млрд. рублей [24]); грантовая и венчурная поддержка; упрощение процедур предоставления гражданства и права на работу в России для специалистов в сфере высоких технологий, прежде всего искусственного интеллекта; стимулы для частных инвестиций и развития корпоративной науки; субсидии для тех субъектов РФ, которые уже вкладывают средства в искусственный интеллект в сфере государственного управления и другие.

Безусловно, наряду со стимулирующими юридическими средствами нельзя забывать и об ограничивающих юридических инструментах (обязанностях, запретах, приостановлениях, ответственности и т.п.). Причем они должны быть задействованы в комплексе с нравственными требованиями. Постепенно приходит осознание необходимости принятия ограничительных норм права, устанавливающих юридические рамки защиты персональных данных, уважение человеческого достоинства, самостоятельности и самоопределения индивида, ответственности за причинение вреда (имущественного и неимущественного) при внедрении новых технологий. Меры правового ограничения будут весьма полезными в области охраны и защиты прав граждан и юридических лиц от вредоносного воздействия умных машин. Так, Сан-Франциско стал первым крупным городом в США, в котором запрещено использование властями технологии распознавания лиц, что признано весьма опасным [25].

Раздел 3 — «**Основные направления правовой политики в сфере искусственного интеллекта**», который будет содержать по сути формы реализации подобной политики: правотворческую, правоприменительную, образовательную и другие.

**Правотворческая.** Разрабатывая доктрину правового регулирования искусственного интеллекта в современной России, важно детально изучить имеющийся ино-



странный опыт в этой сфере. А он уже имеет место быть.

В различных странах «вырисовывается» тенденция законодательного упорядочения отношений в области искусственного интеллекта, создаются даже государственные и неправительственные структуры. Так, 16 февраля 2017 года принята Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике», констатирующая, что возможности искусственного интеллекта могут превзойти интеллектуальные способности человека. Ставится проблема о статусе «электронных лиц» с конкретными правами и обязанностями. В британском парламенте создана парламентская группа по искусственному интеллекту, принявшая решение о необходимости создания должности министра искусственного интеллекта. В Германии принят закон «О внесении поправок в Венскую конвенцию о дорожном движении» от 13 декабря 2016 года, допускающий использование автоматизированных технологий вождения. В Эстонии действует закон, регламентирующий правила передвижения роботов-курьеров. Законодательные нормы о пределах использования роботов и контроля над их применением приняты в Норвегии, в половине штатов США [26].

Определенные инициативы юридического характера появляются и в России. Например, в статье 29 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, разработанные А. Незнамовым и В. Наумовым, предпринята попытка предложить международному сообществу подходы к унификации понятий столь сложной и динамичной сфере. Кроме того, российские эксперты предлагали принять основы законодательства о киберфизических системах, закон о разумных роботах и другие.

Учитывая зарубежный и отечественный опыт правового упорядочения отношений, связанных с искусственным интеллектом, важно в данной Концепции предложить требуемые временем «правила игры», способные эффективно организовать обозначенную сферу нашей жизнедеятельности. И здесь не уйти от ответов на поставленные новой реальностью вопросы. Так, разработка умных машин, способных самостоятельно принимать решение и обучаться, ставит проблему косвенного влияния искусственного интеллекта как на общество в целом, так и на конкретных лиц (граждан и организаций). Наиболее же революционной и вызывающей многочисленные дискуссии является обсуждение вопроса о правосубъектности робота (можно ли робота признать субъектом права?) [27, 28, 29].

В частности, Еврокомиссия решила заняться разработкой свода этических правил для искусственного интеллекта, презентовала проект необычного «морального кодекса», из которого, как считают в Брюсселе, может вырасти целая подотрасль права, где робот будет выступать настоящим субъектом наравне с человеком.

С данным тезисом согласны не все, которые в свою очередь убеждены, что до этого пока еще нет оснований.

Вместе с тем, как верно подчеркивается в литературе, еще явно недостаточно специальных правовых норм, прямо регулирующих применение робототехники и искусственного интеллекта [30].

В частности, если говорить о правотворчестве, то необходимо принимать регламенты использования новых технологий, соответствующих международным стандартам. Как отмечается в СМИ, «к 2030 году в нашей стране должна быть создана и запущена в работу полноценная система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта. Помимо прочего она должна определить этические нормы, гарантирующие безопасность граждан при использовании «машинного разума»» [31].

**Правоприменительная.** Вполне возможно в рамках правоприменения искусственному интеллекту доверят принятие простейших юридических решений, судебных или административных [32]. В сфере же правосу-

дия искусственный интеллект можно будет частично применять в качестве вспомогательных технических и справочно-информационных систем его обеспечения. Несомненно, время требует автоматизации и некоторых технических функций, присущих тем или иным юридическим профессиям (например, помощника судьи, юриста, нотариуса, секретаря судебного заседания и других).

Возьмем для примера важнейшую составную часть правоприменения — правоинтерпретационную деятельность и покажем, как меняется ситуация в связи с введением в нее новых технологий (и, прежде всего, систем искусственного интеллекта). В частности, крупнейшие финансовые корпорации, кредитные организации, органы государственной власти все чаще доверяют работу, связанную с правовыми рисками искусственному интеллекту. Такие международные события, как увеличение международной цифровой трансформации бизнеса, расширение экономики совместного потребления, рост капитализации — довольно давно стали частью глобальной человеческой жизни [33]. Этому способствует принятие огромного количества нормативных правовых актов, регулирующих отношения множества стран друг с другом. Компании, выходя на международный рынок, вынуждены изучать международные конвенции и законодательство стран-партнеров. Образуется большой массив правовой информации, который требует анализа и толкования. Выполнение данной задачи, зачастую, возлагается на искусственный разум.

Ученые из Стэнфордского университета провели исследование результатов интерпретационной деятельности практикующих юристов и искусственного интеллекта. Сущность данного соревнования заключалась в том, что участникам требовалось изучить текст соглашения о неразглашении информации и дать толкование отдельным его пунктам. Искусственный интеллект истолковал необходимые пункты соглашения с итоговой точностью в 95%, в то время как практикующие юристы добились точности толкования не более 85%. Кроме того, искусственный разум справился с работой за 26 секунд, а практикующие юристы потратили более полутора часов [34].

При таком бурном развитии событий возникает вопрос — может ли искусственный интеллект полностью заменить человека в официальном толковании норм права? На наш взгляд, это вряд ли получится. Все дело в том, что машина может работать лишь по стандартным схемам, в то время как толкование права — процесс, не всегда вписывающийся в очерченные стандарты. Искусственный разум может допускать интерпретационные ошибки, конечное слово в исправлении которых все равно будет за человеком. Однако, несмотря на это, все же следует признать, что уровень развития искусственного интеллекта в толковании норм права уверенно повышается. Это свидетельствует о том, что ему можно доверить выполнение несложных (однотипных) задач в толковании норм права и уже сейчас назревает возможность постепенного переключения внимания субъектов правоинтерпретационной деятельности от рутинной работы к решению более сложных задач в интерпретационной сфере юридической деятельности [35].

**Образовательная.** В доктринальном документе нужно предложить и решение проблем, связанных с образованием, которое необходимо перестраивать в несколько этапов, что должно найти свое отражение в образовательных стандартах.

1. Обучение грамотной работе с информацией важно начинать не в средней школе, а как можно раньше, хотя бы теоретически, чтобы к подростковому возрасту необходимая модель поведения в сетевом пространстве была уже сформирована. Эту часть курса назовем условно «Информационная грамотность». Содержание курса информатики также нуждается в пересмотре в сторону преподавания правил социального взаимодействия в сетевом пространстве и критического отношения к отбору

информации в сети.

2. Вторым этапом подготовки юридических кадров нового поколения должны стать соответствующие курсы в средне-специальных и высших учебных заведениях. Мы уже столкнулись с тем, что информатика и информационная безопасность были убраны из стандарта по юриспруденции, а информационное право находится в вариационном блоке предметов, то есть его наличие и объем организация определяет самостоятельно [36]. Такой подход к информационному блоку дисциплин вызывает несерьезное отношение к информатике и информационным технологиям как у студентов, так и у самих преподавателей, и никак не соответствует тезисам федеральных программ, связанным с цифровизацией.

Здесь, безусловно, необходимо пересматривать стандарты, причем минимум в 2 захода: во-первых, на более ранней стадии модернизации важно увеличить объем и количество дисциплин «информационного блока»; во-вторых, стоит прекратить рассматривать юриспруденцию как чисто гуманитарную специальность, включив в компетенции умение работать с современными информационными технологиями и добавив предметы, развивающие алгоритмическое мышление обучающихся и формирующие у будущих специалистов способность работать в сотрудничестве с представителями технических специальностей. Мы далеки от мысли, что юрист должен стать программистом, но общее понимание технологий и основ их работы должно быть. Стоит также ввести специализацию для юристов, работающих именно в сфере информационных технологий (например, с защитой интеллектуальных прав в этой сфере).

3. Тестирование выпускников вузов на знание LegalTech. В корпоративных юридических департаментах уже сегодня задумываются о том, как оценить уровень технологической подготовки сотрудника. Отдельными IT-компаниями предлагается специальный софт для оценки компетенций, измеряющий скорость выполнения данного сотруднику задания [37]. Первоначально можно сделать прохождение такого теста необязательным, с выдачей отдельного сертификата, дающего обучающемуся преимущества при поступлении на работу (при последующем трудоустройстве по отдельным специальностям можно сделать наличие сертификата обязательным).

4. Для практикующих юристов, уже получивших образование, необходимо проводить курсы повышения квалификации, причем именно по работе с LegalTech [38].

В проекте Концепции нужно предложить и новые подходы в правовом просвещении в области искусственного интеллекта в отношении широкого круга граждан.

Таким образом, проект Концепции российской правовой политики в области искусственного интеллекта сможет выступить доктринальным документом, способным оказать «научное содействие» правотворческим, правоприменительным и образовательным структурам.

#### ВЫВОДЫ

В силу того, что предлагаемый проект Концепции — междисциплинарный документ, разработчиками его могут выступать не только ученые-юристы и иные гуманитарии, но и представители технических наук. Вместе с учеными поработать над вышеназванным проектом вполне могут и судьи, и депутаты, и чиновники, и юристы-практики, и IT-специалисты. Только совместными усилиями можно решить обозначенную проблему.

Параллельно с данным документом нужно готовить и Словарь-справочник «Правовая политика в современной России в сфере искусственного интеллекта». Считаю, что проект Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта и Словарь-справочник «Правовая политика в современной России в сфере искусственного интеллекта» — взаимосвязанные продукты, влияющие друг на друга. С одной стороны, наработки Словаря «помогут» в изложении такого раз-

дела проекта Концепции, как Общие начала российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта, где будет изложен перечень понятий, используемых в данном проекте. С другой стороны, Словарь важно «не отрывать» от разрабатываемого проекта Концепции, а, наоборот, попытаться насытить его духом доктринального документа, дать в нем не столько имеющийся законодательный, сколько научный уровень проблем, связанных с использованием искусственного интеллекта в нашем обществе.

После того, как будут отдельно опубликованы «Проект Концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта» и вышеназванный Словарь-справочник, можно будет эти два продукта объединить и издать единой книгой, назвав ее следующим образом: «Российская правовая политика в сфере искусственного интеллекта: словарь и проект Концепции».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Малько А.В. Теория правовой политики: Монография. М.: Юрлитинформ. 2012. 328 с.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 279 с.
3. Концепции развития российского законодательства/Под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. М., 2010;
4. Научные концепции развития российского законодательства/Под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. М., 2015.
5. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года/Под ред. А.В. Малько. М., 2008.
6. Проект концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации/Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2007.
7. Малько А.В., Мазуренко А.П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М., 2011.
8. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012.
10. Петров М.П. Концепция институционального развития исполнительной власти в Российской Федерации (проект)/Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012.
11. Корсакова С.В. Концепция муниципально-правовой политики в Российской Федерации (проект) / Под ред. А.В. Малько. Ростов-на-Дону, 2013.
12. Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект)/Под ред. А.В. Малько. Ульяновск, 2014.
13. Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики//Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 13.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 32. Ст. 5138.
15. Кривошапко Ю. Все коды записаны. Подготовлена стратегия развития искусственного интеллекта // Российская газета. 2019. 21 июня.
16. Шамаева Я. Шаг в будущее. В Удмуртии представили Концепцию цифровой экономики до 2024 года // Российская газета. 2019. 3 сентября.
17. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.
18. Гайва Е. Картель роботов. ФАС выявила новые формы сговоров // Российская газета. 2019. 21 мая.
19. «Умные дома» сдают хозяев // Российская газета. 2019. 30 апреля.
20. Чуриков А. Пешеход пошел на таран. Австрия заморозила испытания беспилотных автомобилей//Российская газета. 2019. 23 июля.
21. Малинецкий Г. «Россия не выучила урок компьютерной эпохи»//Огонек. 2019. № 16. 29 апреля.
22. Медведев Ю. Прорваться в пятерку. Россия включается в мировую технологическую гонку // Российская газета. 2018. 12 сентября.
23. Латухина К. Школа будущего. Владимир Путин нацелил на развитие технологий в сфере искусственного интеллекта // Российская газета. 2019. 31 мая.
24. Бизнес взялся за разум. Каждая четвертая компания внедряет искусственный интеллект // Российская газета. 2018. 4 сентября.
25. Узбекова А. Отдых с человеческим лицом. Туристические путевки начал продавать робот-гуманоид//Российская газета. 2018. 4 сентября.
26. Латухина К. Школа будущего. Владимир Путин нацелил на развитие технологий в сфере искусственного интеллекта//Российская газета. 2019. 31 мая.
27. Рокоссовская А. Камера, открой личико // Российская газета. 2019. 16 мая.
28. Тычинин С.В. Гражданское право и новые технологии// Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы Международной научно-практической конференции (Белгород, 18–19 мая 2018 г.) Белгород, 2018. С. 78.
29. Тычинин С.В. Гражданское право и новые технологии // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы Международной научно-практической конференции (Белгород, 18–19 мая 2018 г.) Белгород,

2018. С. 79.

30. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

31. Кибальник А.Г. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 173–178.

32. Летута Т.В., Сотникова Ю.В. Гражданско-правовые аспекты применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Академический юридический журнал. 2019. № 1. С. 13.

33. Кривошапко Ю. экономике добавляют разума. Компьютерный интеллект встраивают в госуправление // российская газета. 2019. 4 июля.

34. Куликов В. Бот в помощь. Глава Минюста заявил, что роботы смогут давать юридические консультации // Российская газета. 2019. 4 июня.

35. Шушкин Д. Робот и закон. Как искусственный интеллект помогает бизнесу соответствовать требованиям регуляторов. URL: // [www.forbes.ru](http://www.forbes.ru) (дата обращения 22.04.2018г.).

36. Симонов А. Сломанные шаблоном. Скоро машины займут 50 процентов рабочих мест // Российская газета. 2018. 6 марта.

37. Малько А.В., Терехов Е.М. Интерпретационная правовая политика в современной России в условиях глобализации и регионализации. М., 2018. С. 101–102.

38. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. Код юриста: где заканчивается юриспруденция и начинается ИТ // Право. RU. URL: <https://pravo.ru/story/view/134144> (дата обращения: 01.02.2019).

40. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9.

**Публикация осуществлена в рамках мероприятия I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов». Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20072**

Статья поступила в редакцию 19.09.2019

Статья принята к публикации 27.11.2019